

УДК 343.236(470)
ББК Х408.012(2) + Х408.016(2)

М. А. Классен, В. В. Лалац

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ УМЫСЛА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

M. A. Klassen, V. V. Lalats

DEBATING ISSUES OF CRIMINAL INTENT IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

В статье проанализирована умышленная форма вины в уголовном праве России. В результате проведенного исследования был выделен ряд проблемных вопросов законодательного регулирования умышленной вины. Первая проблема касается признака осознания общественной опасности действия (бездействия). В законодательной конструкции умысла указано на осознание действия (бездействия), но ничего не сказано о субъективном отношении лица, совершающего преступление, к другим обстоятельствам совершения преступления (место, время, способ и т. д.). Вторая проблема касается волевого элемента косвенного умысла.

Ключевые слова: умышленная вина, предвидение, осознание, мотив, преступление.

The article analyzes an intentional form of guilt in the criminal law of Russia. The carried out analysis distinguishes a set of outstanding problems of intentional guilt legislative control. The first problem concerns the symptom of understanding of a public danger of activity (inactivity). The legislative structure of intention shows consciousness of activity (inactivity), but there is said nothing about the subjective relation of a person having committed an offence to other circumstances of crime commission (place, time, way, etc.). The second problem concerns the will element of the indirect intent.

Keywords: intentional guilt, insight, consciousness, motive, crime.

Умысел представляет собой одну из форм вины. Умышленная вина опаснее неосторожной, что подтверждается, в частности, отнесением законодателем к числу тяжких или особо тяжких преступлений только тех, которые совершены умышленно (ч. 4 и ч. 5 ст. 15 УК РФ)¹.

Помимо этого умышленные преступления превышают по численности преступления неосторожные.

Определение умысла дано в ст. 25 УК РФ. Каждому из определенных в ст. 25 УК РФ видов умысла присущи интеллектуальные и волевые моменты. Интеллектуальных моментов два. Первый выражается в осознании лицом, совершающим преступление, общественно опасного характера своих действий или бездействия, то есть того, что относится к настоящему времени (на момент совершения деяния), а второй — в предвидении его общественно опасных последствий (при прямом умысле — возможности или неизбежности их наступления, а при косвенном — только возможности), то есть того, что относится к будущему

времени. На необходимость осознания общественно опасного характера своего деяния и предвидения его общественно опасных последствий лицом, признаваемым виновным в совершении умышленного преступления, неоднократно обращалось внимание высшими судебными инстанциями.

Так, А. признан виновным в сбыте поддельного банковского билета Центрального банка Российской Федерации, совершенном 19 февраля 2008 г., и в приготовлении к сбыту поддельного банковского билета Центрального банка Российской Федерации, изъятого по месту жительства А. Действия А. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 186 УК РФ и ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 186 УК РФ. В надзорной жалобе осужденный А. просил отменить состоявшиеся в отношении его судебные решения, ссылаясь на свою неосведомленность о поддельности имевшихся у него денежных купюр. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила надзорную жалобу осужденного А., отме-

137

Уголовно-правовая
доктрина

нила состоявшиеся судебные решения в отношении его и направила дело на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям. В суде А. вину в инкриминированных ему деяниях не признал, отрицая свою осведомленность в поддельности купюр по 1000 рублей, оказавшихся у него в результате размена на городском рынке купюры номиналом в 5000 рублей. Однако суд вопреки требованиям закона (ч. 4 ст. 7, ст. 297 УПК РФ) не мотивировал в приговоре свой вывод о том, чем опровергаются показания А. о его неосведомленности в поддельности купюр, а сослался только на доказательства, подтверждающие лишь сам факт поддельности купюр. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 186 УК РФ, характеризуется только прямым умыслом. Таким образом, при сбыте поддельных денег лицом, которое их не изготавливало, обязательным признаком субъективной стороны преступления является осознание факта поддельности денег. При таких обстоятельствах суд обязан был исследовать вопрос о том, носила ли подделка купюр очевидный характер либо она могла быть определена исключительно с применением технических средств путем экспертизы. Однако судом этого сделано не было. Эксперт, производивший технико-криминалистические экспертизы обеих купюр, судом не допрашивался. Сами купюры в судебном заседании не исследовались. Оставлено без оценки то обстоятельство, что продавец склада-магазина свидетель Б., принявшая от А. одну купюру, усомнилась в ее подлинности не в момент принятия, а в конце рабочего дня. Таким образом, суд не учел обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда о виновности А.²

Другой пример из практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ: по приговору Алтайского краевого суда от 19 января 2009 г. И. признана виновной в неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей и умышленном убийстве шестимесячной дочери, заведомо для виновной находящейся в беспомощном состоянии, совершенном с особой жестокостью.

Судебная коллегия изменила приговор, указав следующее.

Суд первой инстанции пришел к выводу, что вследствие неисполнения и ненадлежащего исполнения И. родительских обязанностей у ее шестимесячной дочери возникли инфекционные заболевания верхних дыхательных путей и кожных покровов, развитие выраженной

гипотрофии, в результате которых наступила смерть.

Суд, квалифицируя действия И. по п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, указал в приговоре, что виновная осознавала общественную опасность своего бездействия, предвидела возможность наступления общественно опасных последствий в виде наступления смерти ее малолетней дочери, не желала, но безразлично относилась к наступлению этих последствий, и сделал вывод о том, что И. умышленно причинила смерть потерпевшей.

Вместе с тем из приведенных в приговоре показаний осужденной следует, что она самостоятельно лечила свою дочь: давала ей парацетамол, ставила детские свечи эффералган, смазывала потерпевшую зеленкой, поила соком, думала, что дочь перестала есть, срыгивала пищу и, как следствие, похудела, поскольку режутся зубы, при этом она умысла на лишение жизни дочери не имела.

Данные показания осужденной в приговоре не опровергнуты, а, наоборот, из показаний судебно-медицинского эксперта и других видно, что какая-то помощь ребенку оказывалась.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу о том, что осужденная не предвидела возможности причинения смерти потерпевшей в результате своих деяний, но по обстоятельствам дела должна была и могла предвидеть это, если бы действовала с большей осмотрительностью, в связи с чем переквалифицировала эти действия с п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ³.

Волевой момент прямого умысла состоит в желании наступления общественно опасных последствий, волевой момент косвенного умысла — в нежелании, но сознательном допущении этих последствий или безразличном отношении к ним⁴.

Проанализировав исследования, посвященные умышленной форме вины, мы выделили ряд проблемных вопросов законодательного регулирования умышленной вины.

Первая проблема касается признака осознания общественной опасности действия (бездействия). В законодательной конструкции умысла указано на осознание действия (бездействия), но ничего не сказано о субъективном отношении лица, совершающего преступление, к другим обстоятельствам совершения преступления (место, время, способ и т. д.). В теории уголовного права предлагались различные решения указанной проблемы. Наиболее оптимальным решением, на

наш взгляд, представляется следующее: заменить слова «своих действий (бездействия)» на слова «своего деяния». Как известно, термин «деяние» употребляется не только в качестве обобщенной характеристики действия и бездействия, но и как синоним преступления в целом. Указанное изменение будет способствовать более четкому законодательному определению умысла в соответствии с его традиционным пониманием и позволит устранить возможные трудности при его трактовке⁵. Уголовное законодательство ряда зарубежных государств придерживается именно обозначенной позиции. Например, ст. 21 УК Узбекистана гласит: «...деяние признается умышленным, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер деяния...»⁶; ст. 20 УК Израиля: «Преступный замысел — осознание характера деяния...»⁷; из ч. 2 и 3 ст. 9 УК Грузии следует, что деяние совершено с умыслом, если лицо осознавало противоправность своего деяния⁸, и т. д.

Отметим, что в теории уголовного права нет единства в понимании того, какие именно признаки должны осознаваться виновным. На наш взгляд, наиболее обоснованным представляется мнение, согласно которому осознаваться должны объективные обстоятельства, которые могут являться элементами состава⁹. Субъективные же признаки состава включать в осознание излишне, так как они либо характеризуют лицо, совершающее преступление (если речь идет о специальном субъекте), либо мотивы и цели, которыми руководствовало виновное лицо.

Вторая проблема касается волевого элемента косвенного умысла. Так, некоторые авторы замечают, что формулировка в ч. 3 ст. 25 УК РФ косвенного умысла выглядит несколько странно. «Лицо в ней сознает факт совершения преступного деяния, но при этом не желает его общественно опасных последствий. Получается, что оно действует вопреки своим желаниям, что с психологической точки зрения невозможно из-за отсутствия мотивации к данному поведению»¹⁰.

Мы не совсем согласны с выводом о том, что если отсутствует желание наступления какого-либо последствия, то отсутствует и мотив совершить деяние. Предлагаем волевой элемент косвенного умысла трактовать следующим образом: преступление всегда является актом человеческого поведения. Субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Вменяемость, в свою очередь,

означает способность лица осознавать характер своего деяния, а также способность руководить своими действиями. Таким образом, во-первых, акт поведения вменяемого лица всегда наделен волей, а во-вторых, направлен на достижение определенной цели. Известный психолог С. Л. Рубинштейн писал: «направляясь на определенную цель, действие в своем ходе регулируется соответствием с этой целью»¹¹. Согласно этимологическому толкованию, цель — это «предмет стремления, то, что надо желательно осуществить»¹². Проведя более подробный анализ понимания цели, некоторые авторы отмечают: «В психологической науке существуют различные подходы ученых к определению цели. Одни считают, что категория “цель” вообще не научна. Другие называют цель целесообразным, полезным результатом, ради которого разворачивается поведение. Большинство же ученых едины во мнении, что цель — осознанный образ будущих результатов, связанный с мотивом»¹³.

Далее, согласно мнению психологов, «воля — это форма психического отражения, в котором отражаемым является объективная цель, стимулы ее достижения, возникающие препятствия, мешающие ее достижению, а отраженным становится субъективная цель, борьба мотивов, волевое усилие; результатом — действие и удовлетворение достижением цели. Волевые процессы проявляются как переживание своеобразного усилия, направленного на преодоление трудностей»¹⁴.

На основании изложенного и принимая во внимание, что концептуальные положения умысла были сформированы, в т. ч. и на теории воли, считаем: совершая преступление с косвенным умыслом, лицо предвидит наступление ряда альтернативных последствий, одно из которых представляет собой тот самый идеальный результат, которого стремился достичь виновный (цель). Остальные последствия были для виновного лица нежелательны, но он сознательно допускал эти последствия либо безразлично к ним относился. Полагаем, что обозначенный в ч. 3 ст. 25 УК РФ термин «не желал» не означает того, что лицо, совершая преступление с косвенным умыслом, действует вопреки своим желаниям, напротив, его воля направлена на то, чтобы совершить задуманное преступление, он желает наступления определенных последствий, которые являются по своей сути целью преступления, на остальные «побочные последствия» он дает свое заведомое «согласие».

В защиту приведенной позиции считаем целесообразным привести примеры из судебной практики.

04 июля 1993 г. в вечернее время супруги Смирновы употребляли спиртное в гостях у Астафьевой. Поссорившись с мужем, Смирнова ушла домой. Смирнов, придя домой, разбудил жену и стал требовать ключи от гаража. Поскольку она не отдавала ключи, Смирнов ударил ее кулаком в лицо, затем дважды в область пояса и один раз — в грудь, после чего, приподняв, с силой бросил жену на выступ стены и ушел. Вернувшись около 2 часов ночи, Смирнов обнаружил жену мертвой. Смерть Смирновой наступила от закрытой тупой травмы тела, сопровождающейся травмой органов грудной клетки и живота в виде переломов ребер с обеих сторон, перелома грудины, множественных разрывов плевры, надрыва легких, ушиба сердца, надрыва в области правого предсердия, массового разрыва печени, т. е. тяжких телесных повреждений, опасных для жизни.

В ходе предварительного следствия, а также в суде Смирнов показал, что обладает большой физической силой, и, когда схватив жену двумя руками, приподнял и швырнул на стену, та полетела, «как мешок», ударившись, упала на пол, приподнялась на руках, но встать не смогла. После этого он ушел из квартиры, а вернувшись, обнаружил жену мертвой. Смирнов пояснил также, что после нанесения жене ударов у него опухла кисть руки, он считает, что ударом мог сломать ей ребра, а если бы пнул — «перешиб бы пополам», когда бросал жену, не рассчитал силу.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия, рассматривая дело в кассационном порядке, квалифицировала действия Смирнова по ст. 106 УК РСФСР (ч. 1 ст. 109 УК РФ).

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене кассационного определения.

Президиум Верховного Суда Республики Хакасия протест удовлетворил, указав, что «кассационная инстанция не дала надлежащей правовой оценки доказательств. По смыслу ст. 106 УК,

преступные действия, повлекшие смерть потерпевшего, могут расцениваться как неосторожное убийство лишь в том случае, когда виновный не имел умысел ни на причинение смерти потерпевшему, ни на причинение ему тяжкого телесного повреждения».

Приведем и другой пример. 7 сентября 2006 года около 20.00 часов за гаражами, расположенными за заводом «Искра», Х. с потерпевшим К распивал спиртные напитки. Между ними произошла ссора, в ходе которой потерпевший ударил (Х.) кулаком по лицу, а он в ответ ударил того кулаком в грудь, а затем, подняв с земли какую-то металлическую трубу, два раза ударил ею К. по голове. Потерпевший упал, на голове у него появилась кровь. Он (Х.) хотел отвезти потерпевшего в больницу, но ему не удалось остановить машину. Тогда он уложил К. рядом с деревом, а сам ушел оттуда. Через день, встретив знакомого бомжа, узнал, что труп К. был обнаружен сотрудниками милиции. После этого Х. явился в милицию с повинной. Исследовав все обстоятельства дела, Судебная коллегия по уголовным делам Ульяновского областного суда пришла к выводу о том, что Х. виновен в смерти К. Помимо этого, в своей кассационной жалобе Х. подтвердил то обстоятельство, что он понимал общественную опасность своих действий, осознавал, что посягает на жизнь потерпевшего, и предвидел, что его действия могут причинить смерть потерпевшего, то есть сознательно допускал наступление смерти, хотя и не желал такого последствия¹⁵.

Из приведенных примеров следует, что виновные, совершая преступление, предвидели различные варианты развития событий. Каждый из этих вариантов сознательно допускался виновными лицами. Однако желание виновного лица, цель его действий заключалась не в том, чтобы наступило самое тяжкое последствие. Соответственно, мы можем уверенно говорить о том, что лицо не желает, но сознательно допускает наступление последствия, и наше утверждение в этом случае не будет противоречить психологической концепции вины и свидетельствовать об отсутствии мотивации.

Примечания

1. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика — М. : ЦентрЮрИнфор, 2003. — С. 147.
2. Определение № 18-Д09-119. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. — URL: <http://www.vsrif.ru/search.php?searchf>

3. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2009 года. — URL: http://www.vsrp.ru/vscourt_detale.php
4. Гаухман Л. Д. Указ. соч. — С. 148.
5. Паньков И. В. Вопросы законодательного регулирования умышленной вины // Право и политика. — 2008. — № 4. — С. 942.
6. Ст. 21 УК Узбекистана. — URL: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug
7. Закон об уголовном праве Израиля. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2010. — 262 с.
8. Ст. 9 УК Грузии / Федеральный правовой портал Юридическая Россия. — URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241370&subID=100095257>
9. Есаков Г. А., Рагулина А. В., Юрченко И. А. Осознание как компонент интеллектуального элемента умысла: дискуссионные вопросы // Государство и право — 2004. — № 6. — С. 25—26.
10. Дугин А. Т. Проблема умышленной вины в Уголовном кодексе РФ // Российский следователь — 2009. — № 19 — С. 11.
11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб. : Питер, 2002. — С. 587.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — М., 2004. — С. 873.
13. Якушин В., Дубовиченко С. Соотношение цели преступления с интеллектуальными моментами умысла // Уголовное право — 2006. — № 6. — С. 60.
14. Иванов И. С. К вопросу соотношения форм вины и их основных признаков // Российский следователь. — 2005. — № 11. — С. 21.
15. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда. — URL: <http://ulobljud.ru/index.php>

References

1. Gaukhman L. D. *Kvalifikatsiya prestupleny: zakon, teoriya, praktika* [Offences qualification: law, theory, practice]. Moscow. AO TsentrYurInfor. 2003. p. 147.
2. *Opređenje No. 18-D09-119. Obzor zakonodatelstva i sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossijskoi Federatsii* [Decision No.18-D09-119. Review of legislation and court practice of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.vsrp.ru/search.php?searchf>
3. *Obzor kassatsionnoy praktiki Sudebnoi kollegii po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda Rossijskoi Federatsii za pervoe polugodie 2009 goda.* [Review of cassational practice of the Russian Supreme Court Penal Division for the first half of 2009]. Available at: http://www.vsrp.ru/vscourt_detale.php
4. Gaukhman L. D. *Kvalifikatsiya prestupleny: zakon, teoriya, praktika* [Offences qualification: law, theory, practice]. Moscow. AO TsentrYurInfor. 2003. p. 148.
5. Pankov I. V. *Voprosy zakonodatelnogo regulirovaniya umyshlennoi viny* [Issues of legislative regulation of an intentional guilt]. *Pravo i politika* [Law and politics]. 2008. No.4. p. 942.
6. *St. 21 UK Uzbekistana* [Article 21 of the criminal code of Uzbekistan]. Available at: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug
7. *Zakon ob ugovolnom prave Izrailiya* [Law on the Israeli criminal law]. St. Petersburg. *Yuridichesky tsentr Press* [Juridical centre Press publishing house]. 2010. p. 262.
8. *St. 9 UK Gruzii* [Article 9 of the criminal code of Georgia]. *Federalny pravovoi portal Yuridicheskaya Rossiya* [Juridical Russia Federal Legal Portal]. Available at: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241370&subID=100095257>
9. Esakov G. A., Ragulina A. V., Yurchenko I. A. *Osoznanie kak component intellektualnogo elementa umysla: disskussionnye voprosy* [Consciousness as a component of intention intellectual element: discussion issues]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2004. No. 6. p. 25—26.
10. Digin A. T. *Problema umyshlennoy viny v ugovolnom kodekse RF* [Problem of intentional guilt in a criminal code of Russia]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian investigator]. 2009. No. 19. p. 11.
11. Rubinshtein S. L. *Osnovy obschey psikhologii* [Basis of the general psychology]. St. Petersburg. Piter publishing house. 2002. p. 587.
12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar russkogo yazika: 80 000 slov i frazeologicheskikh edinits* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological units]. Moscow. 2004. p. 873.
13. Yakushin V., Dubovichenko S. *Sootnoshenie tseli prestupleniya s intellektualnymi momentami umysla* [Correlation of a crime goal with an intention intellectual moment]. *Ugovolnoe pravo* [Criminal law]. 2006. No. 6. p. 60.
14. Ivanov I. S. *K voprosu sootnosheniya form viny i ikh osnovnykh priznakov* [On the question of correlation of guilt forms and their principal characteristics]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian investigator]. 2005. No. 11. p. 21.
15. *Kassatsionnoe opredelenie Sudebnoy kollegii po ugovolnym delam Uljanovskogo oblastnogo suda* [Cassational decision of Uljanovsk Regional Court Penal Division]. Available at: <http://ulobljud.ru/index.php>

КЛАССЕН Максим Александрович, адвокат, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет. 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. 454000. E-mail: max171@mail.ru

KLASSEN Maksim Aleksandrovich, a lecturer of Criminal Law, Criminality and Penal Law Department of South Ural State University, Chelyabinsk, a lawyer. 454000, E-mail: max171@mail.ru

ЛАЛАЦ Валерия Владимировна, аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет. 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. E-mail: lalats@mail.ru

LALATS Valeriya Vladimirovna, a postgraduate student of Criminal Law, Criminality and Penal Law Department of South Ural State University, Chelyabinsk. 454080, Chelyabinsk, 76 Lenin Avenue. E-mail: lalats@mail.ru

